

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛИЗМА

.....

И. М. Мусаев*

Вторая половина XX в. ознаменовались началом процесса, получившего красноречивое название «этнического ренессанса». Под лозунгами «национального возрождения» произошел распад колониальной системы. По всему миру шло образование партий и движений, призывающих к культурной и политической автономии национальных меньшинств. Это оказалось неожиданностью, поскольку согласно и либеральным, и марксистским концепциям в процессе общественного развития национальные различия должны были стираться.

1980-е гг. и последовавшие за ними два десятилетия человеческой истории только подтвердили растущее влияние национализма на политическую жизнь современного мира. Бурный всплеск националистических настроений в бывших социалистических странах, квинтэссенцией которых стала потрясшая весь мир война в Югославии, рост сепаратистских настроений в стабильных демократиях Канады, Бельгии, Испании, Великобритании, активизация ультраправых в Германии, Франции, Нидерландах, разжигающих ненависть к иммигрантам, зарождение и крайне опасное развитие этноконфессиональных конфликтов, ставших питательной средой для невиданного ранее размаха международного терроризма, только укрепили уверенность в том, что в ближайшие десятилетия проблемы наций и национализма будут находиться в центре мирового политического процесса.

По данным этнологов, в мире существует до 5 тысяч этнических групп, которые потенциально готовы заявить о своих правах на самоопределение и образование государства. Большая часть этих движений протекает в латентной или ненасильственной форме. Однако 260 национальных меньшинств активно

* Мусаев Идрис Мусаевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры политологии РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), директор негосударственного общеобразовательного учреждения «Гулливер». Электронная почта: idrism@dinet.ru.

требуют независимости или отделения и признания в ООН. От 70 до 90 из этих национальных конфликтов характеризуются вспышками насилия. При этом необходимо помнить, что именно этнополитические конфликты относятся к числу наиболее сложных, запутанных, затяжных и трудноразрешимых. Как показывает история, во многих случаях по своим масштабам, продолжительности и интенсивности они значительно превосходят иные типы социально-политических конфликтов. Достаточно вспомнить войну в Югославии [6].

В целом представляется очевидным, что образование глобального мирового порядка не закончилось. Процесс глобализации, вызывающий столько споров у исследователей, не только не означает сокращения количества наций-государств, но и может провоцировать создание новых.

Поскольку реальная действительность вступила в прямое противоречие со многими теоретическими прогнозами, начали пересматриваться старые подходы к национализму и разрабатываться новые. Современные дискуссии по поводу национализма строятся главным образом вокруг следующих вопросов: Что есть нация? Что есть национализм? Каково происхождение наций и национализма? До какой степени можно считать их современным феноменом? Какие выделяются типы национализма?

При этом большинство авторов по этой тематике могут быть причислены к одной из трех основных категорий: примордиализму, модернизму или этносимволизму (см., например, [13; 18; 22]). Именно такое деление чаще всего используется на Западе, хотя возможен и несколько другой вариант (более типичный для российских авторов), а именно деление на примордиалистов, конструктивистов и инструменталистов (см., например [1–4]). В любом случае следует подчеркнуть, что любая классификация носит условный характер и всегда несовершенна.

В настоящее время наиболее уязвимым представляется примордиалистский подход. Это своего рода «зонтичный» термин, помогающий описать воззрения тех исследователей, которые считают национальность «естественной» характеристикой, присущей человеческим существам, такой же, как речь, обоняние или зрение, а нации – существующими с незапамятных времен. Однако несмотря на все попытки найти исторические доказательства этого, мало кто из серьезных ученых согласится сегодня с тем, что нации есть вечные и неизменные целостности. Почти все признают, что нации зарождаются в определенный момент истории, вне зависимости от споров о том, когда же именно это происходит и какую роль играют традиции преמודерна и современные трансформации при их образовании. Псевдонаучная, идеологически мотивированная вера в то, что нации существуют с незапамятных времен, не имеет сколько-нибудь серьезной поддержки в научных кругах, но именно идеи примордиализма лежат в основе большинства националистических движений современного мира.

Классический модернизм сформулировал свои фундаментальные положения в 1960-е гг. Предложенная им модель «национального строительства» была с воодушевлением воспринята научным сообществом на фоне подъема антиколониального, национально-освободительного движения. За этим последовало обоснование разнообразных моделей и теорий, которые рассматривали нации в качестве исторически формируемых конструкций. Модернистские идеи вскоре стали доминирующими в сфере изучения наций и национализма. И несмотря на весьма основательную критику со стороны этносимволистов, по-прежнему играют важную роль в современной политической науке.

Общим показателем всех работ, принадлежащих к данному направлению, является убеждение в современности наций и национализма. В соответствии с этой точкой зрения и то и другое появилось в последние два столетия, т. е. сам процесс был запущен Великой французской буржуазной революцией, и, соответственно, они являются продуктами специфических современных процессов, таких, как капитализм, индустриализация, возникновение и усиление бюрократического государства, урбанизация и секуляризм [23, р. 377], поскольку в эпоху премодерна не было места для наций или национализма. Короче говоря, «национализм предшествует появлению наций. Нации не формируют государства и национализм, все происходит в обратном порядке» [19, р. 10].

За исключением этого базового положения модернистов мало что объединяет. Все они выделяют различные факторы в своем анализе национализма. В связи с этим представляется целесообразным разделить их на три категории с точки зрения отдаваемых ими предпочтений экономическим (Т. Нейрн, М. Хечтер), политическим (Дж. Бройи, П. Брасс, Э. Хобсбаум) или социокультурным (Э. Геллнер, Б. Андерсон, М. Хрох) [5] факторам.

На первый взгляд такая классификация может показаться слишком примитивной, тем более что никто из исследователей не ограничивается упоминанием лишь одного фактора, лежащего в основе формирования наций и национализма. Однако насколько бы тщательно не были проработаны рассматриваемые теории, все они отдают предпочтение какой-либо одной группе факторов. Именно это и составляет основу критики модернизма, а именно основание для обвинения его в «редукционизме» [11; 23].

Термин «этносимволизм» используется для обозначения тех исследователей, которые раскрывают значение символического наследия этнических идентичностей премодерна для сегодняшних наций [23, р. 224]. Не удовлетворенные обоими полюсами – и примордиализмом/перениализмом, и модернизмом – в трактовке наций и национализма этносимволисты, такие, как Джон Армстронг, Энтони Смит и Джон Хатчинсон, предлагают третий вариант, компромисс или своего рода «серединный» путь между этими двумя подходами. Они соглашались с модернистами в весомости процессов трансформации, но одновременно утверждают, что между «традиционной» и «современной», или

«аграрной» и «индустриальной», эрами существует более высокий уровень преемственности. Отсюда, по мнению одного из наиболее авторитетных современных исследователей национализма Энтони Смита, возникает необходимость формулирования более широкой теории этнических формирований, которая выявит различия и схожесть между современными национальными единицами и этническими сообществами преמודерна [23, р. 13].

Несмотря на критику со стороны этносимволистов в лице Э. Смита и Д. Армстронга, базовая идея, высказываемая модернистами, представляется нам в своей основе справедливой. Большинство наций, которые сегодня существуют на карте мира, включая старые, «исторические» нации Западной Европы, – результат развития за последние два столетия. Для того чтобы доказать это, рассмотрению подвергается вопрос о языке, являющемся квинтэссенцией духа нации для многих националистов. Модернисты привели исторические данные, свидетельствующие о том, что в 1789 г., в год начала Великой революции во Франции, 50 % населения не говорило по-французски и только 12–13 % говорили на правильном французском. В Италии на момент объединения лишь 2,5% населения использовали итальянский язык в повседневной жизни [19, р. 60–61]. Но есть и иные примеры. Несмотря на все попытки, норвежский язык так и остался языком меньшинства в Норвегии, которая с 1947 г. официально провозгласила двуязычие, имея лишь 20% населения, считающего норвежский своим родным языком [19, р. 55]. Таких примеров можно привести еще множество. Однако представляется важным, что национализм приобретает первостепенную важность после того, как создается государство. По словам генерала Пилсудского, «именно государство создает нацию, а не нация государство». Еще более четко это было сформулировано Массимо д'Азелио, который однажды сказал: «Мы создали Италию, теперь нам необходимо создать итальянцев» (цит. по: [19, р. 44–45]).

Нация есть порождение века национализма. Конечно, на протяжении значительно более длительных периодов люди испытывали чувство привязанности к сообществам, членами которых они себя ощущали. Это могли быть города-государства, империи, семьи или гильдии. Однако возникает закономерный вопрос, почему многие из этих привязанностей исчезли или трансформировались в «национальные» и какова степень зависимости между привязанностями преמודерна и современными связями, ощущаемыми в рамках абстрактного сообщества нации, которое состоит из миллионов людей не знакомых друг с другом. Действительно, и во времена античности, и в Средние века существовало множество этнических групп. Но какова степень связи между ними и современными нациями? Представляется, что эта степень значительно меньше, чем полагают этносимволисты, если мы примем во внимание огромное число «неблагоприятных» факторов, таких, как миграция, завоевания, геноцид, межэтнические браки, ассимиляция и тому подобные явления, столь часто про-

исходившие на протяжении человеческой истории и менявшие этнический/культурный состав каждой конкретно взятой группы.

Другой вопрос: почему столь значительное число людей готово пожертвовать жизнью во имя своих наций и возможно ли это, если нации представляют собой продукт «коллективного воображения»? Здесь особо подчеркнем следующее: факт, что нации «изобретены» или «воображены», вовсе не делает их менее реальными в глазах тех, кто в них верит. Как известно, мифы после того, как они «изобретены», часто начинают жить собственной жизнью и постепенно приобретают черты реальности. Однако сильные чувства, порождаемые национализмом, связаны с тем обстоятельством, что он уходит своими корнями в повседневную жизнь людей. Индивидуумы, составляющие нацию, в той или иной степени задействованы в течение своей жизни во множестве «не-национальных» социальных отношений. Но все эти связи и ресурсы прямо или косвенно зависят от поддержки государства или, по крайней мере, от самого факта его существования. В результате любая угроза выживанию нации отражается на повседневной жизни миллионов ее членов, ставя под сомнение все то, чем они дорожат в жизни.

Таким образом, основные критические возражения этносимволистов против модернистских концепций наций и национализма представляются не вполне обоснованными. Главная проблема с модернистской трактовкой заключается, на наш взгляд, в том, что существует тенденция объяснять национализм в терминах «обязательных переменных». При нынешнем разнообразии национализмов вряд ли их можно объяснить с помощью одного главного фактора: подобно хамелеону, национализм меняет свою окраску в зависимости от окружающей среды. Теории и подходы, которые пытаются объяснить такой сложный и изменчивый феномен, как национализм, чем-либо одним, неизбежно впадают в редукционизм. Исследователи, дабы избежать этого, нередко ударяются в другую крайность. Они описывают такое множество факторов, что под них подпадает практически все многообразие социальной жизни.

Если работы модернистов и этносимволистов достаточно хорошо известны российским специалистам и широко используются ими в своих дискуссиях о нациях и национализме, то новейшие исследования, появившиеся в последние два десятилетия, пока в значительной степени находятся вне сферы внимания отечественных ученых. Поэтому представляется необходимым остановиться несколько подробнее именно на этих работах. При всех различиях между новыми подходами к национализму общей их характеристикой является критическое отношение к существовавшим до этого основным концептуальным подходам. Все они подвергают сомнению базовые предпосылки, исходя из которых шло развитие теорий национализма. Как результат – убежденность в необходимости расширения классической дискуссии благодаря использованию принципиально новых идей и подходов.

Возникновение новых теорий было ускорено общей трансформацией социальных наук, которая, в свою очередь, отражала изменения в социальном контексте, особенно подъем женского движения, написание альтернативных историй, которые отрицали гомогенность национальных культур и подчеркивали изменяющийся характер западных обществ в результате растущей иммиграции. Особое значение имело развитие культурологических исследований. Их основа была заложена еще в конце 1950-х гг., когда вышли в свет в числе прочих работы Ричарда Хогарта «Использование грамотности» (1987) и Раймонда Уильямса «Культура и общество» (1958). Общей целью, к которой стремились эти авторы, было «вернуть культуру обратно» в социальные науки [8, р. 20]. В указанных работах культура рассматривалась не как единое, гармоничное целое, а как глубоко противоречивая концепция, чье значение постоянно подвергается сомнению, пересмотру и иной интерпретации. В этом смысле культура неотделима от социальной фрагментации, классового разделения, дискриминации на основе гендера и этничности и отношений власти: культура – чаще не то, что объединяет людей, а то, вокруг чего идет борьба [8, р. 9].

За прорывными работами Р. Хогарта и Р. Уильямса последовали многие другие, акцентирующие внимание на вопросах молодежной культуры и стиля, СМИ, гендера, расы, народной памяти и трактовки истории. Растущий объем культурологической литературы характеризовался использованием широкого спектра теорий (начиная с А. Грамши и кончая психоаналитическим подходом), а также концептуальных подходов, предлагаемых феминизмом, постколониализмом и постмодернизмом.

Возникает естественный вопрос: как это все сказалось на изучении национализма? На наш взгляд, можно выделить два основных направления этого влияния. Во-первых, подверглись критике закрывающие глаза на гендерные проблемы евроцентрические концепции; большее внимание было обращено на внутреннюю (внутри нации) и внешнюю (между нациями) иерархию власти. Во-вторых, возросло взаимодействие между изучением национализма и развитием исследования таких сфер, как миграция, раса, мультикультурализм, диаспоры и т. п. Остановимся подробнее на некоторых аспектах этого влияния.

Общей чертой рассмотренных ранее теорий и подходов является то, что в центре их внимания находится лишь доминирующий дискурс. Они обходят молчанием опыт «подчиненных», например, бывших европейских колоний и их постколониальных наследников или женщин, этнических меньшинств и угнетенных классов. Даже марксистские и неомарксистские исследователи, которые основывают свои теории на опыте наций, занимающих подчиненное (или периферийное) положение в мире политической экономики, благодаря евроцентризму сосредоточивают свое внимание на Шотландии и Ирландии, игнорируя разочарование десятков бывших колоний в Азии и Африке.

Как справедливо отмечает А. Макклинток, «теории национализма имели тенденцию игнорировать гендер как категорию, имеющую прямое отношение к национализму» (цит. по: [8, р. 269]). Этот важный пробел был заполнен целым потоком работ, в которых исследовался гендерный характер членства в нации. В действительности, женщины всегда присутствуют в националистическом дискурсе: они фигурируют в качестве любовниц завоевателей, жертв военного насилия, маркитанок, кинематографических солдат-героев, портретов красавиц на стенах и, конечно, в качестве работниц, жен, подруг и дочерей, послушно ожидающих мужчин дома [15, р. 27]. Нация всегда представляется в виде большой семьи, а родина – в виде «ранимой» женщины, нуждающейся в защите. Изнасилование становится оружием в войне, а сексуальное нападение на женщин часто интерпретируется как прямое нападение на сообщество в целом [10; 20, р. 125]. В результате «беспокойство о здоровье нации или ее демографическом будущем и эффективности воспроизводства или стабильности социальной структуры, часто ретранслируется в политику, направленную на или против женщин либо через систему социальной защиты материнства и детства, либо через риторику по поводу семейных ценностей, либо политических столкновений по вопросам репродуктивного здоровья, регулирования сексуальности или прямого контроля над женскими телами» [8, р. 26].

Тем не менее, несмотря на свое центральное положение в националистическом дискурсе, женщины исключаются из публичной сферы и оказываются прикованными к своим домам. Отсюда необходимость беспристрастного анализа роли женщины в семье и домашнем хозяйстве, в мелочах повседневной жизни. Поэтому феминистские авторы стремятся исследовать то, каким образом женщины участвуют в различных национальных проектах, какие роли они играют (или их заставляют играть) внутри них, раскрывая политико-идеологические основания этих ролей и их распределения. Тем самым они протестуют против принуждения женщин к вторичному, всегда подчиненному положению.

Другая слабость «классических» работ по национализму заключается в их евроцентричной, или, пользуясь выражением Юваль-Девис, их «вестоцентричном» [24, р. 3] подходе. Истоки такого восприятия восходят к традициям эпохи Просвещения, породившим многие из тех концепций и идей, которые мы сегодня ассоциируем с демократией. С самого начала составными частями этих традиций были империализм и колониализм. Во многих отношениях прогресс демократии в Европе, например, развитие всеобщего гражданства, базировался на эксплуатации народов за ее пределами. Эти сложные диалектические взаимоотношения между Европой и всеми «остальными» повторялись внутри самой Европы между культурами метрополий и периферии, городом и деревней, доминирующими и подчиненными национальностями, Западом и Востоком [8, р. 28].

Исследование этих взаимоотношений и расшифровка негативного кода национализма, т. е. того, «каким образом даже наиболее благородные и по отношению к «своим» демократические представления порождали процесс защиты и эксклюзивного позиционирования в отношении «других», явилось одним из главных достижений последнего десятилетия [8, р. 28]. Вполне естественно, что процесс «перечитывания» был инициирован учеными, работающими за пределами Европы, в первую очередь представителями индийского марксизма. Такие исследователи, как Парта Четтерджи и Ранаджит Гуха, попытались проанализировать историю Южной Азии с позиции угнетенных. Их интересовало, каким образом доминирующий дискурс Запада служил для подавления голоса подчиненных. Наиболее важным западным инструментом для осуществления этого процесса было «знание». Отсюда проистекает необходимость выявить различные способы применения знания для доминирования в мире. По мнению П. Четтерджи, западные идеи рациональности низвели незападные культуры до «ненаучного традиционализма». В то же время релятивистский подход, который считает каждую культуру уникальной, базировался на эссенциалистской концепции культуры, которая заведомо исключает понимание ее извне. П. Четтерджи считает, что оба подхода являются отражением отношений власти [12, р. 29]. Для него в анти/постколониальном национализме никогда не было доминирования западных моделей национальности, хотя влияние, безусловно, существовало. Если бы он во всем следовал за Западом, тогда само бы противопоставление по линии Запад – Восток потеряло бы всякий смысл и «самоидентичность национальной культуры оказалась бы под угрозой» [12, р. 237].

Националистическое решение этой дилеммы лежит в разделении культуры на две сферы – материальную и духовную, «что было важно, так это культивировать материальную технику современной западной цивилизации, одновременно сохраняя и усиливая ярко выраженную духовную сущность национальной культуры [12, р. 238]. Таким образом, основной вклад таких исследователей, как П. Четтерджи и Р. Гуха, заключался в том, что они предложили «невесточентричную» интерпретацию анти/постколониального национализма.

Третьим моментом, который проигнорировали представители основных школ, изучающих национализм, была сфера повседневной жизни. В поисках макро объяснений в рамках традиционных подходов уделялось мало внимания микроуровню, т. е. повседневным проявлениям национализма. Однако, как отмечает М. Биллиг [9], национализм для того, чтобы сохраниться, должен воспроизводиться изо дня в день (см. также [16; 14]). Этот процесс воспроизводства не регистрируется осознанно его участниками, поскольку повседневная жизнь является также сферой господства «неосознанного». Короче говоря, чтобы понять сохраняющуюся власть национализма над людьми, мы должны исследовать процесс, благодаря которому обычные люди продолжают пред-

ставлять себя в виде абстрактного сообщества. По мнению А. Макклинтока, «национальные фетиши» играют важную роль в этом процессе: «Чаще национализм приобретает свою форму благодаря видимой, ритуальной организации объектов фетишизма – флагов, униформы, логотипов самолетов, карт, гимнов, национальных цветков, национальных кухонь и архитектуры, а также благодаря организации фетишных спектаклей – в командных видах спорта, военных парадах, массовых ралли, мириадах форм массовой культуры и тому подобного» [8, р. 274]. Это постоянное напоминание, которое большинством людей воспринимается как нечто, само собой разумеющееся, трансформирует национальную идентичность в определенную форму жизни, способ видения и интерпретирования мира, обеспечивая тем самым существование нации.

Последний штрих к нарисованной нами картине добавляет постмодернизм. Конечно, постмодернизм как таковой требует детального изучения. Мы же, исходя из целей нашего исследования, возьмем за основу то рабочее определение, которое предлагает З. Бауман: «Постмодернизм есть модернизм вне времени: современность смотрит на себя скорее со стороны, чем изнутри, проводя инвентаризацию всех своих успехов и поражений, занимаясь психоанализом самой себя, обнаруживая намерения, которые никогда ранее не озвучивались, находя их несовместимыми и взаимоисключающими. Постмодернизм – это современность, примирившаяся со своей собственной невозможностью: современность, занимающаяся собственным мониторингом, сознательно раскрывающая то, что она когда-то совершала неосознанно» [7, р. 272]. И хотя это определение далеко не бесспорно и отвечает далеко не на все возможные вопросы, оно может, на наш взгляд, служить определенной отправной точкой.

В широком смысле можно выделить две основные темы, которые постоянно звучат в постмодернистском анализе. Первая из них – производство и воспроизводство национальной идентичности через массовую культуру. Для ее раскрытия требуется не только сконцентрировать внимание на коммуникационных технологиях и популярных жанрах, до сих пор не освещаемых в рамках академических дискуссий, но и выявить значения и ценности, пропагандируемые посредством этих технологий, раскрывая тем самым отношения власти, лежащие в их основе. Соответственно, визуальные технологии – кино, фотография, телевидение и видео подвергаются внимательному изучению; анализируется широкий круг продуктов массовой культуры, начиная с книг и иллюстрированных журналов и заканчивая едой, модой, одеждой [8]. Все тексты перечитываются заново, и раскрывается их новое значение, потому что постмодернисты утверждают, что каждый текст есть повествование, а каждое повествование может интерпретироваться множеством различных способов. Господствующий дискурс, или «метаповествование», есть не что иное, как при творство; поэтому его следует полностью отвергнуть.

Хоми Бхабха делает акцент на роли людей, находящихся в «пограничном» национальном состоянии при определении национальной идентичности, а именно этнических меньшинств, иностранных рабочих и иммигрантов. По мнению Х. Бхабха, «гибридное» население бросает вызов доминирующим конструкциям нации, производя собственные контр-повествования. Эти контрповествования «наносит удар по тем идеологическим маневрам, посредством которых „воображаемые сообщества“ получают свою сущностную идентичность» [21, р. 300]. В то же время происходящий в результате конфликт между конкурирующими повествованиями приводит к возрастанию пористости национальных границ и интенсифицирует двойственность нации как культурной и политической формы.

В связи с этим необходимо обратить внимание на серьезные изменения, происходящие в настоящее время в социальных науках и проявляющиеся в первую очередь в новом усилении интереса к междисциплинарному подходу к изучению национализма. В определенном плане национализм всегда был предметом междисциплинарного исследования. Специалисты использовали концепции и теории, разрабатываемые в рамках различных научных дисциплин: от социологии и политической науки до международных отношений и психологии. Однако исследования последних двух десятилетий отличаются от предшествующих в двух отношениях. Во-первых, исследователи не ограничивают себя традиционными дисциплинами, а используют идеи и концепции, разработанные в рамках таких новых направлений, как гендерные исследования, теория расовых отношений, дискурсивный анализ, постколониальные теории. Во-вторых, особый акцент делается на многомерном характере «субъективности» [16; 20].

Как мы уже говорили, анализируемые нами работы бросают вызов ортодоксальным концепциям, которые рассматривают индивидуумов в качестве субъектов с единым чувством идентичности. Они подчеркивают различные измерения субъективности, такие, как гендер, раса, этничность и класс, отмечая, что эти измерения неразрывно переплетены; поэтому нет смысла рассматривать их раздельно. Опыт и реакция женщины-негритянки из рабочего класса, принадлежащей к этническому меньшинству, отличается от опыта и реакции белого мужчины из среднего класса, принадлежащего к доминантной этнической группе. Эта идея, кажущаяся в настоящее время весьма тривиальной, в значительной степени игнорировалась в рамках классической дискуссии.

Анализ современных концепций национализма, характер ведущихся как на Западе, так и в России дискуссий по этим проблемам позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, не может существовать единой общей теории национализма. Национализм, подобно богу Протею, способен принимать множество форм, зависящих от исторического, социального и политического контекста. Соответственно, и факторы, способствующие зарождению и развитию нацио-

нализма, могут быть весьма различными. Национализм зарождается в разных исторических условиях и развивается по разным траекториям. Конечно, это не означает, что национализм не должен подвергаться теоретическому осмыслению. Просто речь должна, видимо, идти не об одной «всеобъемлющей» теории, а о конкретных теориях, концентрирующих свое внимание на отдельных аспектах различных видов национализма.

Во-вторых, необходимо говорить не только о различных видах национализма, присущих разным нациям, но и о том, что членам одной нации в один и тот же конкретно взятый исторический промежуток времени присущи разные типы национализма, проявляющиеся в различных идеологических и политических установках. Так, например, в Турции существуют исламисты, кемалисты, ультранационалисты и либералы – все они исповедуют различные концепции нации.

В-третьих, все виды национализма объединяет собственный дискурс. Как подчеркивает К. Колхаун, «общим знаменателем японского экономического протекционизма, сербских этнических чисток и американского пения „Звездно-полосатого флага“ перед бейсбольным матчем... является дискурсивная форма, которая придает им законченный вид и связывает их друг с другом» [11, р. 21–22]. Множество различных движений, идеологий и направлений политики, вызванных к жизни разными условиями и движущихся по разным историческим траекториям, соединены вместе использованием одинаковой риторики. Национализм – это прежде всего «форма чтения и видения, понимания и восприятия как само собой разумеющегося», которая формирует наше сознание [9, р. 127], иными словами, способ конструирования социальной реальности, в которой мы живем. И японское правительство и сербский солдат объяснили бы свои действия, используя одну и ту же риторику, а именно риторику «интересов нации». В этом смысле дискурс национализма является всеобъемлющим и легитимным объяснением для всего, происходящего в современном мире.

Культурные сообщества определяются как нации, а их члены как граждане именно в рамках националистического дискурса. Нации могут существовать только в контексте национализма. И именно это отличает более ранние этнические образования от современных наций. Вместе с тем использование общей риторики позволяет нам сформулировать своего рода зонтичное определение национализма как специфического способа конструирования социальной реальности, в которой мы существуем. Конечно, можно попытаться перечислить те объективные характеристики, которые необходимо иметь сообществу для того, чтобы превратиться в нацию, это общая религия, этничность, язык, специфическая территория и т. п. Однако сформулировать исчерпывающий список крайне сложно, если вообще возможно. Большинство современных наций не обладает одной или несколькими характеристиками, которые обычно упоминаются исследователями национализма. Поэтому остается не по-

нятым, сколько и какие из них необходимы для превращения сообщества в нацию. Что касается таких субъективных характеристик, как лояльность или солидарность, то они являются необходимыми, но не достаточными для этого. Индивидуумы чувствуют привязанность ко многим другим сообществам и институтам, включая свои семьи, родственников или регионы. Таким образом, сама по себе привязанность не может объяснить существование наций и национализма. Тогда ключевым элементом и остается предложенное зонтичное определение, под которое подпадают все движения, политики или идеологии, которые мы называем националистическими. Все нации используют этот дискурс для определения, оправдания или воспроизводства самих себя.

Националистический дискурс включает в себя три базовые характеристики.

1. Он утверждает, что интересы и ценности нации превыше всех остальных интересов и ценностей.

2. Он рассматривает нацию как единственный источник легитимности. Здесь имеется в виду не только политическая легитимность. Нацию (или национализм) можно использовать для оправдания любых действий, которые при других условиях не были бы признаны оправданными.

3. Он противопоставляет «нас» и «их», «друзей» и «врагов». Эти категории четко разделены набором взаимоисключающих правил и обязательств, моральных принципов и моделей поведения. «Мы» определяемся только в сопоставлении с «другими».

Националистический дискурс может быть эффективным только тогда, когда он воспроизводится на повседневной основе. Дело в том, что национализм складывается из разнородного набора различных «националистических» идиом, практик и возможностей, которые на постоянной основе существуют в современной политической и культурной жизни. Мы не сможем до конца понять сущность национализма без учета его повседневных проявлений. Следы национализма прослеживаются во всех структурах, институтах, процессах современного общества, которые утверждают гегемонию одной (этнической/национальной) группы над другой.

Без минимального знания языка, норм, привычек, традиций, правил человек не может существовать в обществе. Это знание обеспечивается широким спектром институтов, начиная с семьи и школы и кончая СМИ и местом работы. Вместе эти институты формируют процесс социализации личности и передачи набора необходимых для повседневной жизни знаний от поколения к поколению, обеспечивая тем самым воспроизводство существующей системы. Когда националистический дискурс проникает в повседневную жизнь, его воспроизводство становится неизбежным.

Наконец, представляется необходимым признать, что на протяжении жизни по мере изменения значимости этничности, гендера, класса или места жительства для отдельно взятого человека меняется и его национальная идентичность.

Каково же будущее национализма? Уже очевидно, что до «конца истории», провозглашенного Фукуямой [17], в мире, разрываемом на части этнополитическими конфликтами, жестокими этническими чистками, агрессивностью различного рода фундаменталистов, весьма далеко. Сегодня национализм выступает в качестве одной из мощных сил в мире. Отсюда необходимость его понимания во всем разнообразии его форм и противоречивости проявлений представляется крайне важной.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999.
2. Ачкасов В.А. Этнополитология. СПб.: СПбГУ, 2005.
3. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов н/Д: ЦВВР, 2000.
4. Коротеева В.В. Воображенные, изобретенные и сконструированные нации: метафора и проблема объяснения // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.
5. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002.
6. Ходнев А. Национальный вопрос в контексте мирового порядка: история и современное состояние // <http://www.prof.msu.ru/publ/book/iamomo1.html>.
7. Bauman Z. Modernity and Ambivalence. Cambridge: Polity Press, 1997.
8. Becoming National: A Reader / Ed. by G. Eley, R.G. Suny. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1996.
9. Billig M. Banal Nationalism. L.: Sage, 1995.
10. Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester: Manchester University Press, 1993.
11. Calhoun C. Nationalism. Buckingham: Open University Press, 1997.
12. Chatterjee P. Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse? New Jersey: Zed Books, 1996.
13. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton: Princeton University Press, 1999.
14. Dijk T.A. van. Ideology. L.: Sage, 2000.
15. Enloe C. Feminism, Nationalism and Militarism: Wariness Without Paralysis? // Feminism, Nationalism and Militarism / Ed. by C.R. Sutton; the Association for Feminist Anthropology; American Anthropological Association. Arlington: s.e., 2001.
16. Essed P. Understanding Everyday Racism. Newbury Park; L.: Sage, 1997.
17. Fukuyama F. The End of History // The National Interest. 1989. № 16.
18. Gellner E. Nationalism. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1997.
19. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
20. McCrone D. The Sociology of Nationalism. L.: Routledge, 1998.

21. *Nation and Narration* / Ed. by H. Bhabha. L.: Routledge, 1996.
22. *Ozirimli U. Theories of Nationalism: A Critical Introduction*. N.Y.: Palgrave, 2003.
23. *Smith A.D. Nationalism and Modernism*. L.: Routledge, 1998.
24. *Yuval-Davis N. Gender and Nation*. L.: Sage, 1997.